

Ли Чанъгэ размышлял: судя по всему, Обой явился во дворец, чтобы принудить юного императора издать указ об аресте и казни Сукэсахи. Значит, следующий шаг — арест самого Обаи. Ли Чанъгэ решил затаиться и посмотреть, как будут развиваться события.

Вскоре снаружи донесся тонкий, пронзительный голос:

— Докладываю Вашему Величеству, опекун Обой просит аудиенции по неотложному делу.

— Допустить, — Канси был еще ребенком, но в его голосе уже прорезались властные нотки правителя.

Раздались тяжелые, уверенные шаги. В зал вошел коренастый человек с густой бородой и свирепым взглядом. Он источал угрозу, а в его осанке сквозило неприкрытое высокомерие. Бросив короткий взгляд на Канси, он опустился на одно колено.

— Ваш слуга, Обой, склоняется перед Вашим Величеством.

Ли Чанъгэ, спрятавшийся за огромной ширмой, не решался даже выглянуть, опасаясь, что Обой его заметит.

— Опекун Обой — сановник, которому покойный император доверил опеку над престолом, не нужно лишних церемоний, — Канси сделал жест рукой.

— Благодарю Ваше Величество.

Обой поднялся во весь свой двухметровый рост. От него исходило давящее ощущение силы. Высокомерно вскинув голову, он заговорил густым, хриплым голосом:

— Докладываю Вашему Величеству: Сукэсаха замышляет недоброе, его доклад пропитан дерзостью и крамолой. Его следует казнить лютой смертью! Ваше Величество только недавно начали править самостоятельно, а он уже посмел высказать пренебрежение. Пока Вы не правили — он жил, а как только Вы взяли бразды правления — он должен умереть. Это явный намек на то, что...

Обой сделал паузу, его тон стал еще жестче:

— Как же жестоко Ваше Величество обходится с нами, слугами! Я считаю, что Сукэсаха коварен, он обманывает юного государя и не желает возвращать власть. Это величайшее преступление! Согласно законам о государственной измене, его следует казнить через медленное отсечение частей тела вместе со старшим сыном, а его приемных сыновей, братьев и всех сородичей — предать смерти!

— Подобное наказание... боюсь, это слишком сурово.

Канси задрожал от яростного тона Обаи. Он пытался взять себя в руки и проявить императорскую твердость, но в голосе предательски дрожала боязнь.

— Ваше Величество, Вы еще молоды и не до конца разбираетесь в государственных делах. Сукэсаха прикрывается волей покойного императора, чтобы вместе с нами помогать Вам в управлении. Вы начали править сами — он должен был радоваться, но вместо этого подал такой доклад, порочающий Ваше Величество! Он явно вынашивает злодейские замыслы. Прошу Ваше Величество одобрить мое предложение и немедленно применить высшую меру наказания.

Ли Чаньгэ, скрывавшийся за ширмой, не удержался и презрительно скривился. Обой давил на мальчика, вынуждая его собственноручно подписать приговор всей семье Сукэсахи. Пожалуй, самым коварным и злонамеренным здесь был сам Обой, у которого хватало наглости обвинять других, прикрываясь собственной бесстыдной ложью.

Если Канси поддастся, все в Поднебесной заклеят его как жестокого тирана, а он сам станет козлом отпущения для Обаи. Ли Чаньгэ стало обидно за Канси. За это время он начал считать его своим другом и не хотел, чтобы того так унижали.

Канси внутренне не соглашался с Обаи, но не смел открыто противоречить ему. А Обой все не унимался, распаляясь с каждым словом. Его свирепое лицо налилось яростью, от взгляда которой сердце Канси ушло в пятки, а пальцы судорожно вцепились в края одежды.

— Сукэсаха — величайший предатель, его необходимо наказать по всей строгости! — выкрикнул Обой.

Канси посмотрел на него и спросил:

— Опекун Обой, Вы так настаиваете на смерти Сукэсахи, неужели у Вас есть на то свои причины? Я слышал, что между знаменем Окаймленной Желтой и знаменем Прямой Белой возник спор из-за земель.

Для юного, еще неопытного в политических интригах Канси этот вопрос стал роковой ошибкой. Обой мгновенно разъярился: в такой ситуации, когда государь мал, а сановник силен, выставлять напоказ личные интересы было табу.

— Ваше Величество, Вы подозреваете меня? — Обой сделал два шага вперед, его кулаки сжались, глаза расширились от гнева.

Канси вздрогнул, словно под взглядом хищной птицы, и, поспешно отпрянув назад, замахал руками.

— Я пекусь о нашей империи! Покойный император с таким трудом основал это государство, как оно может погибнуть в руках его потомков?! — Обой, чеканя шаг, подошел к ступеням возвышения и прорычал, словно Сукэсаха и впрямь был величайшим злодеем: — Я, право, не понимаю!

С этими словами Обой ступил на нефритовые ступени. Это было вопиющим нарушением — на

них могли подниматься только император, почетный император или евнух, передающий указ.

Канси, увидев, что Обой готов буквально растерзать его, в испуге вскочил на ноги, не зная, что предпринять. Ли Чаньгэ понял: пора! Он выскочил из-за ширмы, преградил путь к трону и закричал:

— Дерзость! Ты смеешь смотреть на императора с такой яростью, да еще и угрожать ему кулаками? Ты хочешь пойти против государя? Не боишься, что весь твой род будет вырезан под корень?!

Обой опомнился и осознал, что стоит на нефритовых ступенях — это было святотатством. Он поспешно отступил на несколько шагов и рухнул на колени.

— Нет, нет, Ваше Величество, не слушайте этого евнуха! Ваш слуга чист помыслами и верен Вам до гроба!

Канси перевел дух, снова опустился на трон и, оттолкнув Ли Чаньгэ в сторону, холодно произнес:

— Я знаю, что ты верный слуга, привыкший идти напролом. Довольно, ступай прочь.

Обой не хотел так просто отступать:

— Ваше Величество, но насчет Сукэсахи...

Канси с силой ударил по столу, встал, заложил одну руку за спину, излучая истинно императорское величие, и, прищурившись, отрезал:

— Довольно! По поводу Сукэсахи Я приму решение сам. Больше ни слова.

Сказав это, он отвернулся, не желая больше видеть Обаи. Обой, как бы ни был раздосадован, не посмел среди бела дня принуждать Канси к казни. Ему оставалось лишь искать другие пути.

— Слуга удаляется, — Обой поклонился до земли и вышел.

Ли Чаньгэ впервые столкнулся с подобным и, почувствовав, как подкашиваются ноги, без сил прислонился к трону. Канси повернулся, отер пот со лба и полулежа откинулся на спинку трона:

— Сяо Гуйцзы, сегодня ты спас положение, если бы не ты...

Ли Чаньгэ не хотелось падать ниц, но теперь, когда он знал, что Сяо Сюаньцзы — это император, он понимал: если не проявлять должного почтения, в любой день можно лишиться головы. «Слуга не знал, что Сяо Сюаньцзы — император, я дерзил Вашему Величеству, дергал за усы дракона...» — начал было он, готовясь опуститься на колени.

Но Канси тут же схватил его за руки и поднял, его лицо выражало горечь и тоску:

— Эх, я скрывал это только потому, что не хотел, чтобы ты, как и остальные, относился ко мне как к императору, с этим вечным почтением.

Ли Чанъгэ выпрямился и посмотрел на Сяо Сюаньцзы.

— Теперь, когда ты знаешь, кто я, ты все еще осмелишься драться со мной по-настоящему? Мы все еще друзья, братья? — в глазах Канси светилась надежда, он невольно напрягся. Ли Чанъгэ был его единственным другом, и он не хотел его терять. В этом скучном дворце все носили маски и кланялись ему, что выглядело величественно, но на деле было ужасно тоскливо. Только Ли Чанъгэ не боялся лазить с ним по деревьям, драться и рассказывать истории из внешнего мира.

Ли Чанъгэ помолчал. Увидев, как лицо Канси помрачнело, а глаза покраснели, он громко рассмеялся:

— Ну и ловко же ты меня обвел вокруг пальца!

Поняв намек, Канси просиял.

Ли Чанъгэ сделал паузу, легонько ударил Канси в грудь и в шутку добавил:

— Этот удар — в качестве извинения за твой обман. Но знай: если ты не будешь на меня сердиться, я и дальше буду драться с тобой по-настоящему, и поддаваться не стану!

Канси, смеясь, потер ушибленную грудь и протянул руку:

— Договорились! Слово мужа — как выпущенная стрела, назад не вернешь.

Ли Чанъгэ расхохотался и крепко пожал руку Канси:

— При посторонних я буду звать тебя Вашим Величеством, но наедине — по-прежнему Сяо Сюаньцзы. Слово мужа — как выпущенная стрела, назад не вернешь.

— И это лучше всего. Будем как раньше, — Канси улыбнулся и кивнул, отбросив всякую императорскую спесь.

<http://bllate.org/book/19451/1907797>